

Слова со страниц книги проникали в сон, вращались и сгущались в бездну, которая неудержимо затягивала в себя человеческую душу.

Цинь Цзюнь, в футболке и шортах, боковым взглядом смотрела на женщину в роскошных древних одеждах, стоявшую рядом.

«...»

Сон?

Сцена перед глазами казалась знакомой. «Шестая принцесса?» — прошептала Цинь Цзюнь.

Она всматривалась, и чем больше старалась разглядеть, тем больше убеждалась: перед ней та самая шестая принцесса-однофамилица из книги, которую она читала накануне, — та самая жертва падения государства.

Решив, что это сон, она с любопытством облокотилась о стену и взглянула за городскую черту — и тут же содрогнулась.

За стенами — руины, дым пожаров, повсюду белели кости и разбросаны останки.

Этот сон был четче 4К, настолько реальным, что по коже Цинь Цзюнь побежали мурашки.

Она отступила на два шага и, опершись на колени, заметила, как шестая принцесса поднимается на высокую стену.

— Что ты делаешь?! — тут же крикнула Цинь Цзюнь.

— Убей!..

Оглушительный рёв привлёк её внимание. Она обернулась и в мгновение ока оказалась за городом, где женщина в красном мчалась на коне. За ней неслась лавина всадников, их копыта вздымали землю. Зрачки Цинь Цзюнь расширились от ужаса: ей казалось, её вот-вот растопчут. Инстинктивно она присела, закрыв голову руками.

Тысячи лошадей пронеслись мимо. Хлопья снега, впиваясь в кожу, мгновенным холодом вернули её к действительности. Она не раздавлена!

Она поднялась — и тут же получила громкое фырканье от коня, оказавшегося в паре сантиметров. Взметнулись чёлка, и взгляд пополз вверх по конской шее.

На коне сидела красавица в ярких одеждах. Женщина не замечала Цинь Цзюнь, её холодный взгляд скользнул лишь по шестой принцессе на стене.

Женщина усмехнулась и громко произнесла:

— Шестая принцесса.

У принцессы глаза подёрнулись влагой.

— Пинь-нян, тогда, когда ты вошла во дворец, я была права, я...

Цзи Сы улыбнулась ещё шире, прерывая её:

— Я лишь недавно вспомнила, что меня зовут Цзи Сы.

У Цинь Цзюнь в ушах загудело. Цзи Сы... Героиня «Хроник мести принцессы», та, что была злее любого злодея...

В книге Цзи Сы в первой половине жизни была отвергнутой принцессой, скиталась, попала в Чжоу и стала роковой красавицей, что соблазнением и развратом губила государство. Когда династия Чжоу пришла в упадок, она вернулась в Цзян, восстановила титул принцессы и два года спустя явилась с армией.

Перед ней разворачивалась та самая сцена: принцесса, потерявшая страну, прыгает с городской стены.

В тот момент генералы Цинь-Чжоу уже полегли в боях, принцы сошли с ума, император скончался, солдаты разбежались — было не под силу восстановить бывшее величие.

Шестая принцесса запрокинула голову и тихо вздохнула:

— Что ж... Великая династия Чжоу осталась без защитников.

— Нет! — в панике закричала Цинь Цзюнь.

Шестая принцесса шагнула вперёд и тяжело рухнула на землю.

С такой высоты... Человек наверняка разбился бы вдребезги. Цинь Цзюнь побледнела и не решилась подойти посмотреть.

Цзи Сы высоко сидела в седле. Её тонкие губы были сжаты в едва уловимой усмешке. Глаза, фарфоровые и ясные, как водная гладь, с полуопущенными веками казались невинными и милосердными, но в уголках губ таились презрение и насмешка.

Цинь Цзюнь смотрела на неё и думала лишь, что этот сон слишком реален, чтобы быть сном.

Цзи Сы усмехнулась, взмахнула рукой и скомандовала:

— Руби!

Мгновенно воздух взорвался боевыми кличами. Тысячи всадников по её приказу смяли заставы Цинь-Чжоу.

Вой ветра и снега, армия, извивающаяся длинной змеёй, а с высоты — словно роящиеся муравьи. Присмотревшись, можно было разглядеть: это были беженцы, ковыляющие на юг в поисках спасения. Север пал.

Земли Шэньчжоу лежали в руинах, дым пожаров не утихал, повсюду валялись трупы и обломки костей. Выкапывание корней и поедание древесной коры перестали быть просто холодными строчками из книги.

Цинь Цзюнь не помнила, как оказалась среди этих людей. Она шла, спотыкаясь, в общем потоке. На пути не было ни еды, ни питья, голод скручивал желудок.

Внезапно окружающие с криками бросились к одному телу, начав его ожесточённо раздирать.

— Я ещё не умер... — слабо прошептал больной. Он ещё не умер, но через мгновение испустил

дух.

Цинь Цзюнь зашлась в рвотных позывах. Она оперлась о грудку камней, пытаясь отдышаться. Когда ей удалось перевести дух и она подняла голову, то увидела, что бредущие вокруг беженцы уже окружили её.

Их зелёные, голодные глаза походили на взгляд гиены, много дней не видевшей добычи. Холод пробежал от пяток до макушки. Цинь Цзюнь собрала воздух в груди и проревела:

— Прочь!

Толпа медленно расступилась. Она не могла умереть просто так... Эта мысль гнала её дальше, на юг, вместе с беженцами.

Весной сотни тысяч беженцев, скопившихся у реки, выели всю рыбу. Стража не открывала ворота, и тогда они принялись выкапывать только что посеянную пшеницу. Когда и семена закончились, принялись грабить путников, разорять деревни, рыть землю в поисках съедобных корней.

Вскоре есть стало нечего вовсе. Беженцы превратились в разбойничьи шайки, их жестокость возросла: грабёж, насилие, убийства — не было злодейства, которого бы они не совершили. Двор выслал войска на подавление, и воины Цинь-Чжоу подняли мечи друг на друга.

Цинь Цзюнь наблюдала за всем этим. Станным образом она не умерла ни от голода, ни от меча. Она лишь страдала, изнывая от холода и голода, став свидетельницей всех ужасов смерти. Её душа иссохла, как старое дерево, и она с мукой взирала на происходящее.

— Хватит убивать... — Цинь Цзюнь мотала головой, а пот непрерывно стекал по вискам.

В ушах слышалось лишь тихое потрескивание свечей. Угли в жаровне пылали багровым жаром.

Служанка осторожно вытирала пот с лица лежащей на ложе нефритовой красавицы. Коснувшись её ледяного лба, она в трепете натянула шёлковое одеяло плотнее. Затем, затаив дыхание, отошла, чтобы выжать тряпицу, а другая служанка поспешила поднести золотую ложку с сахарной водой и смочить пересохшие губы принцессы.

Девушка на ложе была бледна, как луна, глаза плотно сомкнуты, брови сведены. Частые капли пота на лбу выдавали беспокойный сон — казалось, она была во власти кошмара.

За дверью, в коридоре, врачи Императорской медицинской академии стояли на коленях в снегу. Белые хлопья, словно пух, падали на их кожу, впитывались в плоть, пронизывая холодом до костей.

Ещё полчаса назад снег был крупой, а теперь шёл хлопьями, густыми и тяжёлыми, что застилала всё вокруг и наводила тоску.

Служанка шла мелкими шажками, неся таз с горячей водой. Сосуд был украшен искусной золотой резьбой и выглядел необычайно роскошно.

— Главный врач... — служанка поклонилась седовласому эскулапу в коридоре.

Главный врач Императорской медицинской академии, с седой всклокоченной бородой и далеко за пятьдесят, стоял на коленях так долго, что ноги онемели от боли. Он лишь молча махнул

рукой служанке.

Та вошла в покои, и свет свечей выплеснулся в коридор, осветив тонкий слой снега. Вся медицинская академия была на грани, главный врач склонился ещё ниже.

Таков был императорский указ: врачи будут стоять на коленях до тех пор, пока шестая принцесса не очнётся. Прошло уже двое суток. Пожилые лекари падали в обморок один за другим... Если принцесса не придёт в себя или, не дай бог, умрёт, вся академия отправится вслед за ней.

— Очнулась! Очнулась! — внезапно из покоев донёсся переполох.

Очнувшись, она обнаружила, что мир вокруг полностью преобразился. Не стало белоснежной больничной палаты, не было и озабоченных сиделок. Вместо них — шёлковые пологи, драгоценные меха, золотые и серебряные чаши. А ещё десятки служанок и врачей, снующих туда-сюда с лицами, озарёнными радостью и облегчением. Статус обитательницы этих покоев был очевиден.

— Принцесса?

После того как служанки и врачи закончили свои манипуляции, в комнате наконец воцарилась тишина.

«Однако Цзи Сы была зла: захватывая город за городом, она вырезала всех подчистую, пока правящий дом не пал, а принцесса не погибла за страну... Земли были поделены, крестьянские восстания не утихали, а жители Цинь-Чжоу убивали друг друга».

Цинь Цзюнь устала в балдахин кровати, её взгляд был рассеянным, она вспоминала содержание книги.

— Принцесса, — за ширмой служанка склонилась в почтительном поклоне, касаясь лбом пола, — врачей уже проводили в боковой зал для отдыха.

Цинь Цзюнь лежала на кровати и растерянно спросила:

— Какой сейчас год?

Служанка в испуге приникла к полу почти всем телом.

— Ныне... ныне двадцать седьмой год правления [Цзюнь].

Двадцать седьмой год правления Цзюнь...

Цинь Цзюнь смутно припоминала, что сейчас героиня всё ещё томится в борделе. Но до того момента, как Цзи Сы восстановит память и поведёт армию на Чжоу, оставалось всего несколько лет.

Служанка внесла чашу с лекарственным отваром.

— Принцесса, уже послали доложить Его Величеству, он скоро будет. Пожалуйста, сначала выпейте лекарство.

Его Величество...

Цинь Цзюнь прижала ладонь ко лбу, и в голову хлынули воспоминания.

Она опустила взгляд и увидела маленькие ручки трёх- или четырёхлетнего ребёнка. Эти ручки сжимали богато украшенную золотом кисть и неуклюже выводили каракули в тетради.

Раздался добрый смех. Император Цинь-Чжоу подхватил её сзади, его большая ладонь обхватила маленькую, и он начал выводить иероглифы на бумаге:

— Цзюнь, так не пишут. Давай, я тебя научу.

Трёхлетняя Цинь Цзюнь пролепетала:

— Папа.

Император Цинь-Чжоу погладил её детские волосики и мягко спросил:

— Цзюнь, а ты знаешь, как пишется твоё имя?

Малышка непонимающе ответила:

— Иероглиф «ван»... и иероглиф «цзюнь».

Придворный, стоявший рядом, дрогнул и повалился на колени.

Маленькая Цинь Цзюнь подняла голову:

— Папа?

Император Цинь-Чжоу улыбнулся:

— Иероглиф «ван» и иероглиф «цзюнь» вместе и составляют имя моей доченьки.

<http://bllate.org/book/16274/1465015>